

Пролог

---

1 января, среда

Тело нашли на пляже, у подножия скалы Крейна, хорошо известной жителям Клируотера. За несколько десятилетий немало людей совершили роковой шаг с гибельного обрыва.

Полицейский стоял на каменистом берегу недалеко от рыбацких хижин, лепившихся к скале, как ласточкины гнезда. Сейчас хижины пустовали, как часто бывает в середине зимы. Холод и запустение всегда казались ему гнетущими, а сегодня одиночество ощущалось особенно сильно.

Передернув плечами, он отступил, чтобы не мешать работать группе экспертов, и зашагал по галечному пляжу туда, где оставил свой автомобиль. Парковка начиналась по другую сторону каменной подпорной стены, служившей преградой волнам, разгуливавшимся в шторм. Сегодня море было гладким, как мельничный пруд. Через несколько часов здесь наверняка появятся какие-нибудь заядлые яхтсмены, а то и чокнутые серфингисты, решившие отметить Новый год увеселительной морской прогулкой, но пока берег пустовал.

Полицейского не вызывали на место происшествия, но, едва услышав о случившемся, он понял, что должен все увидеть своими глазами. Когда-то его первое расследование тоже началось на этом пляже. Правда, в тот раз со скалы сорвалась девочка, а не взрослая женщина, мать.

Он помнил все обстоятельства, словно это было вчера, хотя подобные трагедии в Клируотере происходили нечасто. Находки вроде мертвых тел неизменно становились потрясением для местных жителей — и тогда, и сейчас.

Дойдя до машины, полицейский помедлил, оглянувшись на скалы. Задаются ли коллеги вопросом, который не давал ему покоя: можно ли было предвидеть эту беду и предотвратить ее?

Три недели назад Грейс Гудвин приходила в полицию сообщить о преступлении, но говорившие с ней детективы отказались поверить, что у нее есть основания для тревоги. Однако первым звонком сегодня с утра было не поздравление с Новым годом, а новость, что у скалы Крейна найден труп женщины.

ЧАСТЬ I

Четыре месяца назад

Перешептывания начались в первый день осенней четверти. Как это часто бывало, мамы, привезя детей на уроки, оживленно болтали на игровой площадке. Пообщаться удавалось только здесь, а поскольку они не виделись целое лето, тем более разговоров накопилось предостаточно. Они не были подругами, эти мамы одноклассников, однако неизменно слетались на свежую сплетню, чтобы не пропустить ничего интересного из того, что происходило за школьными воротами.

Сегодня всеобщее внимание привлекло появление нового лица. Молодая женщина выделялась красивым загаром медового оттенка, гладкие рыжие волосы были стянуты в хвост, а стройные ноги в белых джинсах с обрезанным краем казались еще длиннее. Даже в золотистых сандалиях с завязками дама была высокой — не менее пяти футов восьми дюймов. Рядом с ней стояла маленькая девочка с забавными темными хвостиками.

К ней подошли знакомиться. Выяснилось, что новенькую зовут Грейс Гудвин. В ее речи улавливался легкий австралийский акцент, и этого было достаточно, чтобы ее обступили и засыпали вопросами.

Вскоре все узнали, что Грейс вернулась из Сиднея три недели назад и что она сама когда-то ходила в эту школу. Среди женщин послышались голоса, что ее имя им вроде бы знакомо. Новенькую спросили, не меняла ли она фамилию, и Грейс ответила, что нет, однако никто из женщин не вспомнил ее как свою одноклассницу, а уточнять, сколько ей лет, сочли бестактным.

Грейс жила в Клируотере до семнадцати лет, а потом семья переехала в Австралию из-за работы отца. Пять лет назад родители вернулись в Англию — у тетки Грейс сильно ухудшилось здоровье, — но Матильде было тогда всего три года, и Грейс с дочерью оставалась в Сиднее до нынешнего лета.

Матильда была зачислена в четвертый класс «С», где учились дети многих из собравшихся мамаш. Одна из них заговорила о приглашениях в гости и достала телефон, чтобы убедиться, что Грейс включена в родительский чат в «Вотсапе».

— Обязательно заходите в чат, — произнесла мамаша. — Там все, что надо знать о домашних заданиях, торжественных линейках, школьных мероприятиях. Просто бросьте сообщение, и кто-нибудь вам ответит.

Новенькая улыбнулась и охотно назвала свой номер, не отрывая взгляда от игровой площадки, словно она кого-то высматривала.

Тридцати с небольшим лет, Грейс Гудвин была очень красива и держалась естественно и с достоинством. Она словно не старалась принарядиться к первому школьному дню, но все равно притягивала взгляды.

— Значит, ваши родители живут поблизости? — поинтересовалась другая мамаша.

Грейс ответила сразу всем, что сначала ее родители перебрались в Лестер, поближе к сестре отца, а когда три года назад скончалась ее тетка, а затем отец, мать отчего-то решила остаться там.

Кто-то предположил, что теперь-то она вернется в Клируотер, к дочери и внучке, но Грейс покачала головой.

— А кто ваш муж? Он тоже из Клируотера?

— Грэм работает в Сингапуре. Он руководитель проекта в крупной фармацевтической компании.

— Надо же! Получается, вы сюда одна приехали?

Оказалось, так и есть. Узнав, что Грейс снимает квартиру в Уотервью, фешенебельном современном жилом комплексе, высившемся около дороги на Уэймут, собеседницы поняли, что деньги для новенькой не проблема. Правда, апартаменты в Уотервью предназначались скорее для молодых пар — при комплексе имелся свой спортзал и бар, чем для семей с детьми. Значит, заключили мамыши, это явно временный вариант.

Все переключились на Грэма с его сингапурской должностью после новости, что до начала июля он работал в Европе. Грейс сообщила им об этом с улыбкой и повела плечиком, будто не видя ничего особенного в том, что муж находится так далеко. Однако женщины понимали, как тяжело ей дался переезд в Англию, ведь супруг отбыл в противоположном направлении. Впрочем, копать глубже было еще рано — они познакомились лишь несколько минут назад.

Грейс пояснила, что Грэм привык жить за границей и Матильда совершенно нормально воспринимает ситуацию. Дальше собеседницы расспрашивать не ре-

шились, хотя между собой потом обсуждали, какой же муж отпустит от себя жену.

— А почему же вы сюда вернулись? — недоумевала одна из мамаш.

Клируотер — маленький городок на длинном узком мысе на южном побережье Англии; единственная дорога ведет в Уэймут. Один въезд и один выезд, не считая водных путей. По одну сторону Клируотера тянулся длинный галечный пляж, с другой — маленькие карстовые пещеры. Места живописные, но здесь тихо и почти не бывает туристов, предпочитающих оживленный Уэймут. В общем, подобный выбор всем показался странным.

— Вероятно, потянуло на малую родину, — отозвалась Грейс, продолжая выискивать кого-то взглядом.

— Вы кого-то ждете? — спросила одна из мамаш.

— Да, — кивнула она. — Анну Робинсон.

— Маму Итана? Итан тоже в четвертом «С»! Так вы знакомы с Анной?

— Мы были лучшими подругами. А познакомились тут, когда нам было по пять лет. — Грейс показала на площадку.

— Здорово! — воскликнула одна из женщин, хотя все подумали: «Ну, это называется пустить лису в курятник».

В следующие несколько минут выяснилось, что Грейс с Анной были неразлучны, пока Грейс не увезли в Австралию. В отсутствие братьев и сестер девочки росли почти как родные; Анна дневала и ночевала в доме у Грейс.

Тут кто-то заметил в воротах Анну, как всегда, в окружении близких подруг. Анну в городе любили. Она неизменно была отзывчивой и дружелюбной, а ее сын Итан, популярный в школе мальчик, в жизни не сказал худого слова ни одному из одноклассников.

Анна являлась в школу с улыбкой и никогда ни с кем не ссорилась, но, как все знали, входила в подчеркнуто обособившуюся четверку — они познакомились в первый день обучения своих детей и с тех пор стали не разлей вода. Утром около школы они стояли вместе, обнимая друг друга за плечи, пересмеивались и перешептывались. Довольно ребячливое поведение для женщин лет за тридцать и даже чуть за сорок.

Вот и сейчас на дорожке показалась дылда Нэнси, на голову выше Анны, прижимавшая ее к себе, заходясь от хохота. Рейчел на чересчур высоких каблуках и в черной юбке-карандаш, одетая для своего офиса в Уэймуте, тоже смеялась, пока ее тянули вперед двое сыновей. Рядом с ними хихикала Кейтлин, зажимая рот ладонью.

Грейс двинулась им навстречу, и через несколько мгновений Анна заметила ее. У нее широко раскрылся рот, но изумленное выражение лица сразу сменилось веселой улыбкой, и она кинулась к новенькой. Крепко обнявшись, Анна и Грейс замерли посреди игровой площадки под взглядами присутствующих.

Позднее женщины тихо обсуждали, как приезд Грейс повлияет на отношения Анны с подругами. Ранняя осень постепенно сменилась морозной зимой, а дамы наблюдали за разыгравшимся спектаклем со смешанным чувством легкой иронии и некоторой жалости к Грейс.

И лишь в начале декабря, когда детей вот-вот должны были отпустить на каникулы, ситуация стала по-настоящему интересной.

Глава 1

---

11 декабря, среда
Грейс

Прошло девятнадцать лет с тех пор, как Грейс Гудвин переступала порог «Старой Вик». Почти половина жизни, а кажется, будто все было только вчера. Паб простого рыбака успел превратиться в заведение с претензией на винный бар; среди гостей, собравшихся в среду за две недели до Рождества, преобладали молодые пары.

Обшарпанные, в пятнах, деревянные столы уступили место полированным дубовым, с фиолетово-серыми бархатными стульями. На стене висели грифельные доски с ассортиментом сыров, мяса и соответствующих вин, элегантно увитые рождественскими гирляндами.

Приходилось признать, что интерьер претерпел изменения к лучшему — атмосфера стала более легкой и непринужденной, хотя именно этот вечер отчего-то навевал тоску.

Когда Анна спросила Грейс, не хочет ли она пойти с ней и *девочками* выпить перед Рождеством, та немного удивилась, но, не получая других приглашений за три месяца после возвращения в Клируотер, ухватилась за возможность развеяться.

— Собираемся в «Старой Вик», — сообщила лучшая подруга. — Примерно в половине девятого.

Анна и три ее подруги уже сидели в пабе, когда ровно в восемь тридцать явилась Грейс. На столе у них стояла открытая бутылка вина. Грейс пришлось незаметно взять стул от другого стола и втиснуться между Рейчел и Кейтлин.

Со «Старой Вик» у нее были связаны хорошие воспоминания — еще учась в школе, Грейс и Анна сидели тут в углу, потягивая бакарди с колой. Хотя они были несовершеннолетними, из бара их никогда не прогоняли.

— Помнишь, как мы впервые сюда пришли? — обратилась она к Анне, когда в разговоре возникла пауза.

Анна повернула голову и чуть улыбнулась, но губы были сжаты в тонкую плоскую линию. Глаза потемнели и, казалось, смотрели куда-то сквозь Грейс, хотя несколько секунд назад она смеялась над какой-то шуткой Нэнси. Сейчас Нэнси играла волосами Анны, собрав их на одну сторону и заплетая в косу, уверяя, что теперь Анна должна так и ходить. Глядя на них, Грейс почувствовала себя как в школе.

Уже через час она сообразила, что напрасно сюда пришла, но ей очень хотелось пообщаться с Анной. За три месяца это ей толком не удалось. Вначале они еще пересекались, но эти встречи скоро прекратились. Три подруги неотступно находились рядом, словно забронировали Анну на год вперед, и Грейс чувствовала себя неловко в малознакомой компании. Беседа всегда сворачивала на понятные только этой четверке шутки и истории из прошлого, о которых Грейс ничего не знала.

Вели они себя тоже одинаково — брали друг друга за локоть во время разговора, накручивали на пальцы пряди волос, привычно не договаривали фраз. Как компания они не потрудились принять к себе Грейс, и сейчас она недоумевала, зачем Анна ее пригласила.

Неожиданно Анна встала и объявила, что возьмет еще вина, хотя в бутылке на столе оставалась минимум треть. Ее ноги в черных джинсах скинни подкашивались, когда она шла к бару; светлая коса, заплетенная Нэнси, начала распускаться. Бюстгальтер просвечивал сквозь черный шифоновый топ — Анна выглядела почти гламурной, вот только чересчур худой. На ней не осталось жирка, который Грейс помнила с юности.

Анна облокотилась на барную стойку и кивнула на бутылку в холодильнике. Грейс обвела взглядом женщин, сидевших с ней за столом.

Нэнси Симпсон всегда очень следила за собой, и сегодняшний вечер не стал исключением. Длинные стройные ноги были обтянуты джинсами, похожими на джинсы Анны. Высокая — по меньшей мере пять футов одиннадцать дюймов — Нэнси тем не менее носила каблуки. Она казалась старше остальных — немного за сорок, предположила Грейс, но в светлых локонах, идеальными волнами укрывавших спину, не было ни единого седого волоса.

Дочь Нэнси, Элоди, была не по годам развитым ребенком. За четыре года она переиграла заглавные роли во всех школьных спектаклях: Марию в рождественском вертепе, Гая Фокса, Оливера Твиста и даже Симбу.

С сентября, когда Матильда пошла в школу, Грейс наблюдала, как Нэнси непременно садилась в первый

ряд на каждом собрании, линейке и выступлении хора, всякий раз раскладывая пальто и сумку на трех соседних сиденьях, занятых для подруг. Когда те появлялись, Нэнси широкими жестами манила к себе Анну, Рейчел и Кейтлин, тогда как Грейс присаживалась где придется.

В первый раз Грейс надеялась, что Анна подойдет и сядет рядом, она даже ожидала этого, однако лучшая подруга приехала с Рейчел и, виновато взглянув на место рядом с Грейс, жестом показала, что им с Рейчел там не уместиться. Будто ей нельзя расстаться с этой Рейчел! Ведь той было к кому пристроиться, а так Грейс пришлось сидеть совсем одной.

В «Старой Вик» Рейчел, выпив много вина, говорила все громче. Она явилась в сверкающем золотом платье-трубе, слишком нарядном для паба, по мнению Грейс, и заранее настроенная пошуметь и повеселиться. Темные, почти черные волосы Рейчел были подстрижены в короткое каре, передние пряди аккуратно заправлены за уши, и она машинально подкручивала кончики, болтая с Нэнси. Эту Рейчел Грейс знала меньше всего и видела ее только по утрам около школы, всегда торопившуюся, поэтому с интересом следила за ней сейчас. Рейчел была более занятой, чем могло показаться на первый взгляд, и так и сыпала забавными историями.

Кейтлин постоянно смеялась над всем, что говорила Рейчел. Она была самой тихой из четверки — и самой адекватной, а еще достаточно вежливой. В ней не было ни подчеркнутой холодности Рейчел, ни властности Нэнси.

Грейс в принципе нравились и Кейтлин, и Рейчел; она тоже смогла бы с ними подружиться, если бы ей